

Проблема «Wersein» в фундаментальной онтологии М.Хайдеггера.

Хайдеггеровское здесь-бытие есть своеобразная онтологическая интерпретация картезианско-кантовского *cogito*, а именно акцент переносится с *cogito* на *sum*, с «сознания здесь-бытия» на само «здесь-бытие». Введя различие между сущим и его бытием, мы должны рассматривать классическое «я мыслю» только как чистое присутствие, а всякие характеристики «сознания» должны быть исключены. Однако вся проблема в том, как это делается.

1. Бытие присутствия (sum). Хайдеггер и Кант. Хайдеггера интересует сама *фактичность* присутствия, между тем как кантовское «Я» является только априорным *логическим* субъектом. Действительно, «я мыслю, сопровождающее все представления», остается на уровне самосознания, а сознание всегда организовано как предметное мышление. «Я» в самосознании мыслит самого себя так же, как оно мыслит всякое другое сущее: как предмет, как представление. Но субъект не есть само представление, а *форма представления* как такового. Представление же - это только форма присутствия, однако теперь мы не можем присвоить ей атрибут «сознательности»: единство апперцепции превращается в анонимную экзистенциальную конституцию чистого присутствия. Поэтому и субъект оказывается у Хайдеггера чистой формой присутствия как такового.

Вообще говоря, Хайдеггер полностью солидаризируется с кантовским анализом «Я», но только «я мыслю» теперь понимается не как форма мышления, но как *неопределенное* присутствие. Действительно, если голое сознание «Я», представление брать как существование, то мы получим анонимность присутствия некоего сущего, которое просто есть в «здесь». «Я» теперь не априорная конституция явления, а его фактичность, а она не может быть определена. Поэтому действительный субъект *Wersein* есть

чистое присутствие в вопрошании: кантовское «я мыслю» превращается в простое «я вопрошаю» или «я говорю». Фактически, это вопрошание и есть классическое «Кто мыслит?», однако мы «берем» его только как модус присутствия. Ничего, кроме неопределенного: «Кто существует?» - «Тот, кто здесь и сейчас есть», мы получить не можем из этого анализа присутствия как анонимного вопрошания. Субъективность экзистенциально развертывается как неопределенное здесь-бытие; онтологическое устройство субъективности (самости) не поддается редукции ни к Я-субстанции, ни к «субъекту». Все онтические определения «Я», субъективности, «субъектности» получаются из истолкования фактичности самой способности быть.

Таким образом, Хайдеггер трактует здесь-бытие исключительно как анонимную структуру присутствия, а не *живое, персонифицированное, «мое»* бытие. Ответом на вопрос «Wersein?» является интерпретация анонимного Dasein. Априорной онтологической структурой субъективности у Хайдеггера оказывается экзистенциальная конституция в о т.

2. Тождество мышления и бытия и онтологическое различие. Однако почему хайдеггеровское присутствие носит анонимный характер, и не может быть истолковано как «мое» бытие? Картезианско-кантианское cogito не просто допускает, но предполагает понимание этого бытия как *моего* присутствия. У Декарта открытие чистого «Я» как модуса бытия есть результат мотива воли-к-бытию, изначально направляющей сам наш поиск безусловно-достоверного основания. Весь смысл картезианской редукции заключается в том, что это модификация наличного здесь-бытия из априорной чистой воли-к-бытию, которая сама в этой модификации и обнаруживается (в модусе воли-к-мысли). Cogito и есть здесь-бытие, проясненное до его онтологической структуры (sum), однако проясненное как *живое, эмпирическое сознание*, а не формальное тождество «Я» = «Я». Декарт все время имеет в виду свое *живое* мышление, о котором он не устает упоминать «*мое* мышление», «*мое* сомнение»... Картезианское мышление –

это движение к самоочевидности, для которой акт *cogito ergo sum* является только контрапунктом, высшей кульминацией напряженного преобразования наличной субъективности. Однако Хайдеггер совершенно игнорирует то, что классическое мышление не сводится исключительно к формальному тождеству *cogito*, но включает в себя предварительное сомнение, движение к нему, акт фундаментальной самоидентификации и соответствующие оптимистические выводы, а также рациональную мотивацию мирской воли. Он остается только при самой *фактичности* акта *cogito*, а потому не обнаруживает *личностного* характера картезианского *sum*.

Аналогичным образом Хайдеггер интерпретирует и кантовское «Я». У Канта сознание моего здесь-бытия (*Dasein*) означает реальный выход в феноменальный мир. Кантовская аналитика (дедукция категорий, аналитика основоположений и антитетика идей) есть, фактически, описание синтеза явления как реального события, а потому является отнюдь не теоретической процедурой. Синтез явления есть фактически указание на границы здесь-бытия и того, что находится за его границами, т.е. в действительности есть констатация присутствия (мыслящего субъекта). Однако у Хайдеггера это присутствие целиком анонимно: вся полнота явления, связанная именно с проявлением в здесь-бытии мировой воли и идентификацией с ней (обращение теоретического разума), у него исчезает. Воля носит неопределенно-анонимный характер и есть чисто экстатический порыв (решимость).

Хайдеггер совершенно игнорирует смысл классического *принципа тождества мышления и бытия*, который носит исключительно спекулятивный характер, именно потому, что он изначально исходит из *онтологического различия бытия и сущего*. По его мнению, развертывание интерпретации субъективности из самосознания закрывает возможность онтологической интерпретации того сущего, которое есть мы сами. Если субъект первичным образом определен через субъективность, т.е. знание самого себя, то вопрос о его бытии исчезает. А потому специфически-

человеческое, *мое* мышление может быть только определенным модусом присутствия. *Differentia specifica* сущего *Dasein* является не мышление и воля, но его *конечность*. Поскольку в рамках фундаментальной онтологии мы исходим из приоритета бытия над мышлением, постольку мышление превращается в модус конечного существования, становясь анонимным пониманием и толкованием. Поскольку в рамках фундаментальной онтологии мы исходим из приоритета бытия над волей, постольку воля превращается также в модус конечного существования, становясь анонимной *решимостью* здесь-бытия.

Между тем, принцип тождества мышления и бытия в классической гносеологии является не только выражением фактичности, но и телеологическим принципом существования живого человека, живого субъекта познания и воли. Этот принцип выступает не только целью быть действительным субъектом, но самим онтологическим основанием самой возможности быть. *Мое* сознание, очищенное до своей априорной структуры, и обнаруживается как проявление и проступание самого бытия. В этом заключается подлинная *решимость быть* классического субъекта. Только на основании этого возможна и картезианская идентификация «Я» как воли самого бытия, и кантианская самоидентификация *моего* эмпирического мышления с априорными структурами интеллекта (практическое обращение разума), т.е. преобразование самого *моего* бытия, *моей* экзистенции.

3. Хайдеггер и Декарт: представление. Решимость как конститутив здесь-бытия выступает у Хайдеггера как собственно субъектность, но именно анонимность придает ей статус собственно *субъективизма* или даже *своеволия*. Размах субъективности, которой поражен современный мир, основан на том, как конституируется присутствие для самого себя. Речь идет о хайдеггеровской интерпретации картезианского *cogito*.

Дело в том, что Хайдеггер понимает положение *cogito ergo sum*, как представление (*vorstellung*). При этом он строго следует картезианской

субъективности: *cogito* действительно есть форма представления как таковая (представления представления). Однако все дело в том, что само представление у него интерпретируется как отнесенность акта представления к представляющему «Я», а такое отождествление возможно только при условии, что акт представления понимается как *акт суждения*. Осуществляемая здесь модификация сознания заключается, во-первых, в смешении представления (восприятия) и суждения, во-вторых, в замещении этого представления суждением, и, в-третьих, как результат, в господстве суждения над представлением. Собственно сведение представления к суждению и есть *репрезентация*: представление субъекту самого себя как «Я». Сведение сознания к его форме и составляет собственную сущность субъективизма.

Картезианское *cogito* действительно есть форма представления, однако сведение восприятия к представлению и чистой форме (к суждению), являются движением *живого* сознания. Само *cogito* – это не понятие «Я», но живой субъект, который совершает самоидентификацию как возможность самого своего бытия, а потому вовсе не сводится к *представлению* как единственно возможному пониманию самосознания. Существует различие между живым переживанием и суждением, между живым «я» и его понятием, явлением сознания и «логическим Я», между экзистенцией и представлением. Хайдеггер различает бытие и сущее, присутствие *Dasein* и «идеальное Я», но почему-то не различает живую субъективность как само присутствие субъекта (человека, Декарта или Канта) и его рефлексивное представление о себе. Он берет форму мышления как голую и анонимную фактичность, а потому и «Я мыслю» у него превращается чистое и неопределенное «некто есть».

Между тем, решимость как модификация экзистенции есть структура существования живого субъекта. Субъект есть «я мыслю» только как живое «Я», мыслящее и выбирающее свое бытие. Классическое «*Wersein?*» - это всегда субъект в ситуации выбора своего бытия и решимости быть...